

9
И-33

ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

ТОМ I N 1

BULLETIN DE L'ACADEMIE DES SCIENCES
DE L'UNION DES REPUBLIQUES SOVIETIQUES SOCIALISTES

SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1944 MOSCOU

Редакционная коллегия:

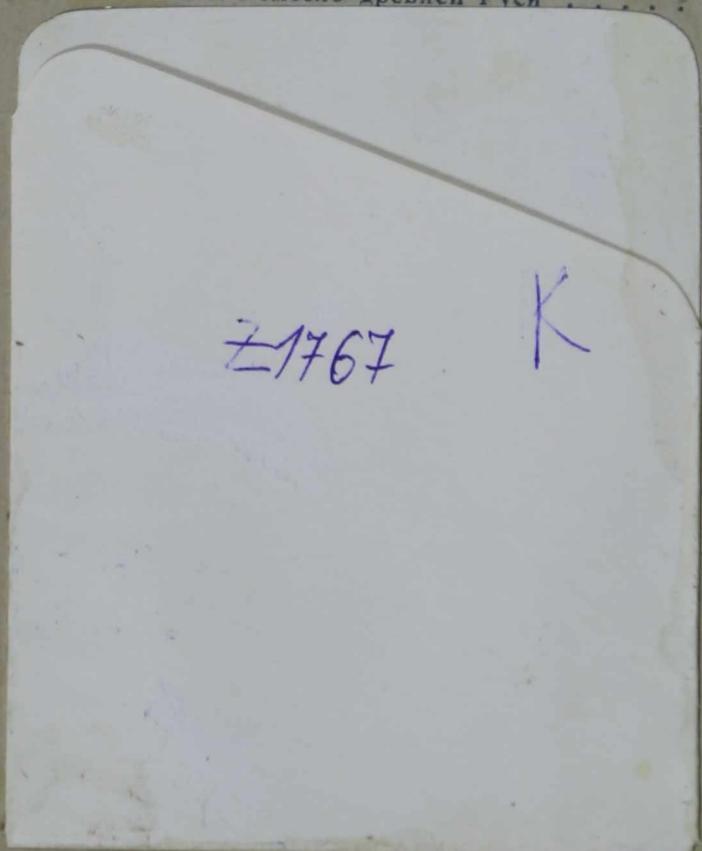
акад. В. П. ВОЛГИН (отв. редактор), акад.
Б. Д. ГРЕКОВ, Е. М. ЖУКОВ, С. П. ТОЛСТОВ,
В. В. АЛЬТМАН (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Акад. Б. Д. Греков. Ленин и историческая наука	3
Чл.-корр. АН СССР И. И. Минц. Емельян Михайлович Яро- славский (1878—1943)	16
И. С. Завич. Союз между Россией и Швецией в 1812 г.	26

Авторефераты

Б. Ф. Поршневу. Народные восстания во Франции в XVII в.	37
Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси	40

ИЗВЕСТИЯ

из книг
С. В. Григорова

АКАДЕМИИ НАУК СССР

9/с
И33

СЕРИЯ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ

BULLETIN
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
SÉRIE HISTORIQUE ET PHILOSOPHIQUE

Том I № I

Российский Институт культурного
и природного наследия
БИБЛИОТЕКА

БИБЛИОТЕКА
И. М. С.
Изд. № 3284

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва ★ 1944 ★ Moscow

БИБЛИОТЕКА
И. М. С.
Изд. № 1767

ГОРЬКО

К 7
433
1933
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАДЕМИК В. П. ВОЛГИН

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ В. В. АЛЬТМАН

АКАДЕМИК Б. Д. ГРЕКОВ

ЛЕНИН И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА

Много сложных и глубоких ассоциаций связано в наших представлениях со словом «Ленин». Вождь победоносного пролетариата, вдохновитель и руководитель революции, воспитатель целого поколения борцов за социализм, философ и публицист, человек, именем которого отмечен целый период в истории народов как нашей страны, так и стран зарубежных, юрист и ученый историк, кропотливо работавший над изучением источников, поглощавший огромное количество книг по истории различных стран мира и прежде всего России и воплотивший свои наблюдения и выводы в ряде исключительных по своему значению исторических произведений.

Я не ставлю себе целью полностью охватить духовную жизнь этого многогранного человека. Поэтому я считаю долгом заранее определить свою очень скромную, единственно для меня посильную и в то же время почетную и ответственную задачу. Я хочу говорить о Ленине только как об ученом исследователе-историке, причем считаю необходимым и здесь оговориться, что речь будет идти только о самом важном, только о контурах его ученого облика, без претензий на сколько-нибудь исчерпывающую характеристику всего, что сделано им в области истории.

Без теории нет науки вообще, и в области исторических наук уже давно пришли к этому заключению. Теорий в течение XIX в. в обиходе историков было не мало, и это одно уже говорит об их неустойчивости и недолговечности. Некоторые из этих теорий просто грозили уничтожить историческую науку как науку и предлагали зачислить историю в область знания, изображающую единичное и неповторимое, отказывались от установления закономерностей (теория Виндельбанда, Риккерта, Эдуарда Мейера). С этих позиций критиковались подлинные достижения исторической науки, скажем — таких крупных исследователей, как Морган, с его открытиями в изучении первобытного общества, или Маурер — в изучении феодализма. Нельзя сказать, что историки второй половины XIX в. ничего не знали о Марксе. Знали, конечно, все. Но одни знакомство с ним не считали для себя необходимым, другие не умели понять его до конца; были и такие, которые открыто боролись с ним именно потому, что он являлся революционером в науке.

В. И. Ленин в этом хаосе разнообразных, противоречивых и борющихся между собою теорий очень рано определил свое место.

«Как Дарвин, — писал 24-летний Ленин, — положил конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменимость видов и преемственность между ними, так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на

научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»¹.

Восприняв марксизм как философское учение, как единственно научное понимание общественных явлений, Ленин всю жизнь с полной убежденностью боролся с теми, кто готов был считать марксизм вероучением, а его последователей «сектантами». Ленин ясно видел, что теория Маркса выросла из недр подлинной конкретной жизни, как ее обобщение.

Уже в полном расцвете сил, на 44-м году своей жизни, В. И. со всей страстностью и сокрушительной силой полемизировал со Струве, одним из «марксоедов» (выражение Ленина), распространившихся в России после 1905 г. В этой полемике Владимир Ильич счел необходимым напомнить, что марксизм явился не вдруг, что он имеет длинную предисторию в работах экономистов, историков и философов XVIII и XIX вв.; созданная Марксом теория является законным преемником всего лучшего, что создало человечество, в высшем развитии «всей исторической и экономической и философской науки Европы»².

Учение Маркса об общественно-экономических формациях, последовательно и закономерно сменяющих друг друга, причем так, что в каждой из формаций имеются элементы умирающие и элементы растущие, тем самым позволяющие историку не только следить за тем, как текла жизнь, но и как она течет, что в этих сплетающихся потоках обречено и чему предстоит будущее, — Ленин и признал основой материалистического понимания истории. По глубочайшему убеждению Ленина, тот, кто хочет не только изучать историческую жизнь людей, но сознательно участвовать в ее перестройке, в устранении объектов понятого зла, должен быть историком-марксистом. Марксизм — «единственное научное понимание»³ истории. Отсюда уверенность и непоколебимость Ленина и как исследователя и как исторического деятеля, отсюда его неотражимость в полемике, отсюда сознание необходимости всегда быть историком, т. е. распознавать в каждом общественном явлении его корни, его рост, элементы отмирания и здоровые побеги будущего.

Понятно, почему Ленин особенно внимательно следил за тем, что делается в области исторических наук, и сам принимал активнейшее участие в разработке исторических проблем. Ленин жил как раз в то время, когда в среде историков-профессионалов шла жестокая борьба: время было горячее. Россия была поставлена в необходимость заняться переоценкой своих ценностей.

Невозможно в краткой статье изобразить сколько-нибудь полно идейную борьбу в российском обществе 90-х годов XIX в. и первых десятилетий XX, этих самых бурных и решающих годов. Поэтому я остановлюсь только на главнейших вопросах, стоявших перед исторической наукой этого периода, — на вопросах, в разрешении которых принимал непосредственное участие сам В. И. Это были проблемы, связанные с пониманием всего российского исторического процесса и в конечном счете сводящиеся к вопросам, куда идет Россия и что нужно делать тем, кто не хотел отставать от жизни.

В середине XIX в. развернулся жаркий спор о сущности и судьбах русской общины. Защитники ее исконности и незыблемости видели в ней гарантию от возникновения в России пролетариата, с появлением которого связывали европейские революции и капитализм. Многим, прини-

¹ Ленин. Соч., I, стр. 62—63.

² Ленин. Соч., XVII, стр. 275—276.

³ Ленин. Соч., I, стр. 63.

мавшим участие в споре, казалось, что от капитализма Россия действительно гарантирована. «Во всех государствах Западной Европы,— писал исследователь русской народной жизни и в особенности сельских учреждений России австрийский барон Август Гакстгаузен в 40-х годах XIX в.,— существуют предвестники социальной революции против богатства и собственности. Ее лозунг — уничтожение наследства и провозглашение прав каждого на равный участок земли. В России *такая* (подчеркнуто автором — Б. Г.) революция невозможна, так как эти мечты европейских революционеров имеют уже свое реальное осуществление в русской народной жизни»¹. Тот же Гакстгаузен, правда, отмечал и другой факт: «Последнее время Россия сделала необыкновенные успехи в фабричной деятельности». Но «очень сомнительно,— продолжал автор,— чтобы это имело благоприятные результаты»². Гакстгаузен исследовал общественные отношения России до освобождения крестьян. Когда его книга переводилась на русский язык, реформы 60-х годов уже были позади. Но переводчик, снабдивший книгу своим предисловием, был убежден, что «освобождение крестьян имеет почти исключительно одно моральное значение, не сделавши серьезных изменений в экономическом быте»³.

Во второй половине XIX в., особенно в конце его, уже труднее было верить в то, что Россия отгорожена карантинной стеной от «больной» Европы. Казалось бы, и спор должен был прекратиться. Но на самом деле было не так. Народники, возглавляемые Н. К. Михайловским, еще продолжали стоять на этих устаревших позициях и верили, что Россия может пойти в своем развитии иным, не капиталистическим путем. Вопрос этот не был «академическим». Ученые, бросившиеся с новой энергией на изучение русской общины, несомненно искали ответа на запросы текущей жизни. Один из крупнейших для своего времени специалистов по этому вопросу В. А. Соколовский в 1877 г. писал: «Будем надеяться, что пример западных стран, сожалеющих теперь, в лице лучших представителей науки, о преждевременном уничтожении общины, и беспристрастное отношение к насущным интересам народа спасут русское крестьянство от новых испытаний и что напротив ему будет предоставлена большая, против теперешнего, возможность развивать далее свои излюбленные формы быта». Другие ученые, видя безнадежность этой позиции, решили бороться с бродившим по Европе «призраком» с другого конца. Ведь и сама община о двух концах. Она сама в представлении ученых этого направления могла подготавливать почву для социализма.

В 1900 г. стали появляться многочисленные статьи крупнейшего представителя тогдашней университетской науки по истории русского права В. Н. Сергеевича, обобщенные им самим в III томе его известных «Русских юридических древностей», где он пытается снять вопрос об общине, объявив ее отсутствующей в нашей древней истории. В этом отношении у него уже был предшественник, хотя и не столь решительный, настаивавший на том, что община исчезла очень рано [«вольная община исчезла перед нею (княжеской властью.— Б. Г.), не оставив по себе и следа в историю»⁴] и что в дальнейшем она была вновь построена государством для своих надобностей.

Сергеевич опасный противник, потому что он умел ставить вопрос широко и умел облекать свои мысли в увлекательную форму. Он вы-

¹ Август Гакстгаузен. Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Перевод с немецкого Л. И. Рогозина, М., 1870, стр. XIX. Перевод вышел 23 года спустя после оригинала.

² Там же, стр. XX.

³ Там же, стр. IX.

⁴ Б. Чичерин. Опыты по истории русского права. М., 1858., стр. 11.

ступал не только и не столько против своих русских оппонентов, но и против представителей западноевропейской науки, начиная с Мауррера, за которым идут Рошер, Вайц, Зом, Лавле, Мэн, Гаронне и многие другие. С явным удовольствием он находит себе союзника в лице Фюстель-де-Куланжа. Сергеевич с удовлетворением отмечает, что после работ Фюстель-де-Куланжа «мнения противоположные, основанные единственно на догадках, должны быть оставлены». Среди русских его противников самым опасным был С. М. Соловьев с его теорией органического развития общественных отношений, начиная от родового общинного строя — теорией, положенной в основу его гигантского труда по истории России с древнейших времен.

В. И. Сергеевич с блеском, присущим его таланту, старался доказать, что вопросы о роде и общине — это лишь вопросы моды и веры, что русской общины как одной из органических форм и этапов в развитии общества совсем и не было, что русскую общину создало государство для временных своих целей (образование общин падает, по его мнению, на XV и XVI вв.). Исходя из своего положения, что частная собственность на землю — явление исконное во всех обществах, он с легкой иронией критикует и Соловьева и Павлова-Сильванского, сумевшего в своей ранней работе показать не только древность русской (и не русской) общины, но и ее эволюцию в период ее столкновения с растущим крупным землевладением в процессе возникновения феодализма. При этом Павлову-Сильванскому достается не только за его общину, но и за феодализм, за последовательно проводимую им полную аналогию развития России с развитием западноевропейских обществ.

Интересно отметить, что Милюков, во многом с Сергеевичем расхо-дившийся, в рассматриваемом вопросе был к нему очень близок. Мы находим у него то же отрицание закономерности в истории, то же непризнание древности русской общины. Милюков утверждает, что не только община была создана государством, но и русская мануфактура и русский город. В России мануфактура и фабрика — пишет П. Н. Милюков — не успели развиваться органически, из домашнего производства под влиянием роста внутренних потребностей населения. Они созданы были впервые правительством. Русский город «раньше чем понадобился населению, понадобился правительству»¹. Для Милюкова — пожалуй еще в большей степени, чем для Сергеевича — история России есть полная противоположность истории Запада, она идет по своему особому пути.

С другого берега, куда старалась не заглядывать университетская наука, мы слышим громкий голос Н. К. Михайловского, создавшего на базе критики основ марксизма свое собственное учение об обществе. В приложении к России это учение должно было служить доказательством уже знакомого нам особого пути, идущего мимо капитализма. Русь крепка своим общинным крестьянским строем — достаточно-де закрепления этого строя и передачи общинам в их распоряжение всей земли, и Россия пойдет вперед без язв капитализма. Не легко было обосновать эту теорию в то время, когда капиталистические отношения в России были уже фактом достаточно очевидным, не замечаемым только теми, кто либо не хотел его замечать, либо не умел наблюдать и делать из своих наблюдений выводы.

Нельзя забывать, что в это же время уже хорошо были известны и работы Максима Ковалевского, являвшиеся продолжением знаменитой книги Моргана «Древнее общество», был написан и труд Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Но как это ни

¹ П. Милюков. Очерки по истории русской культуры, т. I, стр. 85, 239.

странно может показаться с первого взгляда, специалисты-историки России, очень интересовавшиеся историей русской общины (родовой и соседской), почти не заметили того, что произошло в науке как раз по вопросу, столь для них близкому. Павлов-Сильванский, представлявший в этом отношении исключение, хотя и он не полностью использовал эти возможности, был признан лишь очень немногими. Корифеи отнеслись к нему либо снисходительно поучительно, как к еще неустоявшемуся новатору, который откажется от своих заблуждений, лишь войдет в возраст, либо совершенно отрицательно.

Для моих целей достаточно приведенных примеров. Я должен был их привести, чтобы показать сложность обстановки и подчеркнуть те наиболее острые вопросы, которые стояли в рассматриваемый период перед исторической наукой в России,— вопросы, мимо которых нельзя было пройти никому, кто добросовестно хотел найти свое место среди охватившего различные слои общества возбуждения. Это были вопросы: 1) о роде и общине, как начальных фазах в развитии общества, 2) о русском феодализме, как показателе закономерного и аналогичного с другими странами Европы развития России; 3) о зарождении в недрах феодального общества капиталистических отношений и о дальнейшем их росте. Все эти три крупнейшие научные проблемы можно свести к одной всеобъемлющей, именно к проверке положения о том, что Россия якобы идет своим собственным путем, не похожим на путь Западной Европы с ее пролетариатом и революциями.

В. И. Ленину пришлось жить в это идейно насыщенное время. Он пришел в университет, к источнику научного знания. Несомненно он взял у этого источника много. Он не только сам использовал накопленные веками знания, не только усвоил технику научной работы, но и завещал тем, кому пришлось строить новую жизнь,— идя впереди и новыми путями,— не отказываться от старого наследия. Мимо него не прошло ничто, что так или иначе могло помочь ему найти тот путь, который он мог бы счесть единственно правильным. А если принять во внимание его исключительную требовательность к самому себе, исключительную добросовестность в добывании научных выводов, то мы легко пойдем, как много должен был работать этот гениальный человек.

Ленин ничего не принимает на веру ни в области теории, ни в области конкретных изысканий. Он ищет убедительных доказательств и предпочитает оставлять вопрос нерешенным, нежели делать заключения без достаточных оснований. Вот характерный пример. Первая статья Павлова-Сильванского с робкими намеками на феодализм в России (закладничество — патронат) появилась в 1897 г. В 1900—1902 гг. вышли его уже более уверенные статьи «Иммунитет в удельной Руси» и «Феодальные отношения в удельной Руси», и только в 1907 г. появилась его небольшая книга «Феодализм в древней Руси». Ленин внимательно следил за развитием дискуссии по этому предмету. Он сам в это время уже был автором известной работы «Что такое «друзья народа»...?», в которой дал ряд ответов на волновавшие науку вопросы. Но первые работы Павлова-Сильванского его еще не окончательно убедили. Крайнюю требовательность и осторожность он проявил даже в терминологии.

Основной идее работ Павлова-Сильванского — разрушению старой догмы «особого пути» развития России — В. И. Ленин не мог не сочувствовать, так как еще раньше Павлова-Сильванского он сам продумал вопрос по существу и разработал его основные положения: Человек, который на фактах истории родной страны проверил учение Маркса о докапиталистической земельной ренте, человек, который, стоя именно

на этих позициях, писал в 90-х годах исследование о развитии капитализма в России, не мог не сочувствовать тому движению в русской науке, которое шло навстречу его собственным мыслям.

В предисловии к своей книге «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич между прочим писал: «Интересно отметить, до какой степени тождественны основные черты... этого общего процесса в Западной Европе и в России, несмотря на громадные особенности последней как в экономическом, так и во вне-экономическом отношении»¹.

В это время вопрос о феодализме в России В. И. для себя уже решил положительно. Рассматривая вопрос о переходе русских землевладельцев от барщинного хозяйства в капиталистическому, В. И. считает необходимым очертить весь путь, пройденный русским хозяйством с древнейших времен до установления в России капиталистических отношений. По плану своей книги он не мог сделать этот очерк сколько-нибудь полным, но тем не менее мысли его в этом направлении изложены совершенно четко. Систему сельского хозяйства в докапиталистическое время В. И. называет «барщиной», покоящейся «на господстве *натурального* хозяйства»². Но пользуясь наиболее популярной в его время терминологией, В. И. в то же время прибегает к термину, оспариваемому в его время, и громко произносит слово «*феодализм*».

«При натуральном хозяйстве,— пишет Ленин в той же книге,— общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, *феодалных* поместий)»³. Итак, помещик — это феодал, значит поместье — феодал. Далее, расшифровывая понятие барщинной системы, В. И. напоминает, что Маркс подводит этот хозяйственный режим под категорию *отработочной* ренты⁴ и отсылает при этом своего читателя к тому месту своей книги, где он резюмирует 47-ю главу III тома Капитала Маркса, т. е. главу о «Генезисе капиталистической поземельной ренты», подчеркивая при этом, что это учение Маркса он сам кладет в основу своего труда. В этой именно главе Маркс дает наиболее глубокий анализ феодализма на всех этапах его эволюции.

В. И. Ленин, связанный хронологическими рамками своего специального исследования, охватывает тем не менее весь процесс в целом. Это видно из его замечания о том, что отработочная система, предмет его внимания, стара, как старо в России крепостничество, а последнее господствует по Ленину с «IX по XIX век»⁵. «Отработки в России,— пишет Ленин,— держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена Русской Правды)»⁶. К этой же мысли он возвращается и в другом месте книги: «Отработочная система хозяйства безраздельно господствовала в нашей земледелии со времени Русской Правды и вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем»⁷. В черновике, изданном в «Ленинском сборнике», он снова повторяет: «И «свободный» русский крестьянин в XX веке все еще вынужден идти в кабалу к соседнему помещику — *совершенно* так же, как в XI веке «шли в кабалу «смерды» (так называют крестьян Русская Правда) и записывались за помещиками»⁸. В 1914 г. В. И. совершенно определенно расшифровывает свое понимание термина

¹ Ленин. Соч., III, стр. 7.

² Там же, стр. 140.

³ Там же, стр. 15. (Подчеркнуто мною.— Б. Г.)

⁴ Там же, стр. 140.

⁵ Ленин. Соч., XVII, стр. 514.

⁶ Ленин. Соч., III, стр. 150.

⁷ Там же, стр. 242.

⁸ Ленинский сборник, IV, стр. 237.

вала денег для организации совместной экспедиции в тыл наполеоновской армии. «Английский агент Торнтон,—пишет Гнейзенау из Стокгольма Штейну в Россию,—ведет себя как скряга». Впрочем, тот же Гнейзенау признавал, что большинство шведов не хочет войны за пределами Швеции, считая ее опасной и разорительной. Без английской субсидии, заключал Гнейзенау, ее и не будет.

В августе 1812 г. Александр I сделал новую попытку использовать союзный договор со Швецией—если не для совместной диверсии в тылу противника, то хотя бы для укрепления военных сил России. В Финляндии находились еще русские войска под командой Штейнгеля. Александр I решил перебросить их на северо-западный участок фронта, к Риге. Для этого еще нужно было вновь убедиться в лояльности Швеции; дополнительной гарантией этой лояльности мог теперь служить, несмотря на бездействие шведских вооруженных сил, договор Швеции с Англией, постоянным врагом Наполеона.

Таковы были предпосылки состоявшейся в августе 1812 г. личной встречи Александра I с Бернадоттом в Або и заключения второй русско-шведской военной конвенции 30 августа 1812 г. Формально конвенция в Або предусматривала новые уступки со стороны России. Россия обязывалась довести численность своего экспедиционного корпуса на помощь Швеции против Дании до 35 тыс. человек и дать Швеции субсидию в 1500 тыс. рублей— правда, не золотом, а зерном (этот хлебный заем должен был быть погашен Швецией через 16 месяцев после присоединения Норвегии). Был определен срок прибытия русского корпуса в Швецию—25 тыс. солдат к концу сентября и 10 тыс.— к концу ноября 1812 г. Со своей стороны Швеция обязывалась начать военные действия против Дании тотчас же по прибытии русских; поскольку в переговорах Александра I и Бернадотта принимал участие английский посол лорд Каткерт, есть все основания полагать, что эта первая заявка Александра I на Привислинский край была сделана тогда с ведома и благословения Англии. Более существенными были немедленные последствия встречи в Або. Бернадотт не возражал против переброски корпуса Штейнгеля из Финляндии к Риге и дал новую гарантию дружественных намерений Швеции; он сделал было слабую попытку получить немедленное вознаграждение в виде Аландских островов, но не настаивал на этом, когда ему возразил Александр I.

Осень 1812 г. была решающим временем войны. Александр в своих письмах к Бернадотту справедливо ссылался на невозможность для России отправить в Швецию экспедиционный корпус в согласии с буквой Абоской конвенции. Но при этом Александр 21 сентября 1812 г. совершенно неосновательно говорил о неумении Кутузова использовать Бородинское сражение; из письма вытекало, что российский император якобы рад был быть добрым союзником Швеции, да главнокомандующий российской армией ему этого не позволил. Бернадотт к его чести высказывал в ответ полное удовлетворение создавшейся военной ситуацией: «Наполеон не в состоянии получать подкрепления, а к Кутузову они поступают со всех сторон»,— писал Бернадотт к Александру I (10 октября 1812 г.).

Бернадотт был доволен своим нейтралитетом; его популярность в Швеции росла, и безо всякой затраты сил он надеялся получить выгоды от войны. Только 25 ноября 1812 г., когда разгром наполеоновской «великой армии» стал совершившимся фактом, Бернадотт сам начал торопить Александра I с организацией намеченной ранее экспедиции. Бернадотт имел в виду уже не диверсию на помощь русской армии, а участие России в освобождении Европы. В этом, во всех отно-

шениях интересном письме Бернадотта мы читаем: «Усилия, которые были приложены вашим величеством (т. е. Александром I) для спасения империи, позволили мне и ранее правильно судить о благоприятном исходе борьбы с Францией. Я предвидел положение, в котором окажется император Наполеон. Ни его изобретательный ум, ни огромные ресурсы, которыми он в состоянии располагать в Германии, не позволят ему, однако, уравновесить успехи России. Мы должны теперь уничтожить последствия его рокового влияния, в свою очередь обратившись на Европейский материк. Германия — сердце Европы. Если перенести туда военные действия, то удастся раз и навсегда освободить пределы Российской державы от неприятеля». Бернадотт подчеркивал теперь, что Швеция осталась верна союзу с Россией, несмотря на проникавшие в Европу слухи о полном разгроме русской армии, несмотря, наконец, на оставление Москвы. 17 декабря 1812 г. Бернадотт составил план совместных военных операций России и Швеции в Германии и вспомнил о «немецких патриотах, которые протягивают к нам руки». Еще летом 1812 г. все мольбы этих сторонников германской независимости оставляли пылкого гасконца совершенно хладнокровным.

Наконец, 20 декабря 1812 г., т. е. тогда, когда территория России была полностью очищена от французских войск, а Наполеон бежал от армии, шведское правительство порвало дипломатические отношения с Францией и выслало французского поверенного в делах де-Кабра. Официальной мотивировкой служила оккупация шведской Померании французскими войсками; шведское правительство действовало с опозданием на 11 месяцев. Но эта мотивировка никого не обманывала. Победа России открывала возможность для желанного свержения французского господства в Европе, в чем уже давно была заинтересована Швеция, но на что она ранее не могла решиться одна или с другими союзниками.

Суммируя добытые нами результаты исследования источников, относящихся к союзу между Россией и Швецией в 1812 г., мы можем сделать некоторые общие выводы.

1. Русская дипломатия правильно оценила возможность нейтрализации Швеции в предстоящей борьбе России и Франции и добилась того, что подписанный с Швецией союзный трактат 5 апреля 1812 г. и две военных конвенции к нему (заключенные в Вильно 15 июня 1812 г. и в Або 30 августа 1812 г.) позволили России спокойно вывести свои войска из Финляндии и использовать их против Наполеона в 1812 г. Вместе с тем попытки Александра I побудить Швецию к активным действиям, когда это могло быть нужно и полезно России, все же успехом не увенчались. Но к этой неудаче русская дипломатия отнеслась с исключительным терпением, не форсируя событий вплоть до 1813 г., когда Швеция сама вступила в войну против Франции.

2. Наполеон сделал ряд ошибок в оценке политической позиции Швеции, исходя из традиционного франко-шведского согласия, и напрасно рассчитывал на исконные противоречия между Швецией и Россией. К этой неверной оценке политики Швеции Франция присоединила грубые методы «дипломатии силы», которые дали осечку, лишь только выяснилось, что за спиной русской армии Швеции нечего бояться Наполеона.

3. Наконец политика союза с Россией в 1812 г. укрепила внешнеполитическое положение и обеспечила независимость Швеции; эта политика в конечном счете сохранила шведский престол маршалу Бернадотту и его династии, когда Александр I стал, в известном смысле, главой легитимистской Европы.

АВТОРЕФЕРАТЫ

Б. Ф. ПОРШНЕВ

НАРОДНЫЕ ВОССТАНИЯ ВО ФРАНЦИИ В XVII в.

В своей монографии автор ставил задачу впервые свести воедино и подвергнуть анализу весьма многочисленные, но рассеянные данные о движениях крестьянства и городского плебейства во Франции при Людовике XIII и Людовике XIV. Накопились обильные публикации документов из местных и центральных архивов об отдельных восстаниях XVII в. — преимущественно в исторических журналах большинства французских департаментов и в других краеведческих или локально-исторических изданиях или исследованиях. Много сведений о восстаниях в различных провинциях и городах имеется в мемуарах XVII в., в прессе, в опубликованной административной переписке, в государственных бумагах Ришелье, Мазарини, Кольбера. Чрезвычайно ценные неопубликованные источники — некоторые письма и донесения с мест из архива канцлера Сегье хранятся в Отделе рукописей Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Конечно, во французских архивах лежит еще огромный, никем не опубликованный и не изученный материал о народных движениях XVII в., пока оставшийся мне недоступным. Но и на данной ступени публикации источников вопрос уже созрел для монографического исследования и для вполне обоснованных выводов и обобщений.

В сумме все собранные исторические данные показывают, что XVII век, классический век абсолютизма во Франции, был и классическим веком народных восстаний. Вполне законно связать между собой эти два факта: абсолютизм существовал и развивался в ожесточенном противоборстве с движениями низших классов общества, в особенности крестьянства. Косвенный свет на классовую природу абсолютизма как защитника феодальных основ общественного строя, проливает изучение требований восставших масс, а также анализ социально-экономических предпосылок восстаний. Сравнение этих данных приводит к выводу, что королевские налоги, борьба с которыми обычно стоит в восстаниях на первом плане, принципиально не могут быть противопоставлены сенъериальной эксплуатации и являются по экономической природе не чем иным, как централизованной феодальной рентой, хотя между обими этими видами ренты — сенъериальной и централизованной — и существует соперничество из-за крестьянского прибавочного продукта, соперничество, во избежание которого абсолютистское государство старается перенести главную тяжесть обложения с крестьян на буржуазное богатство (меркантилизм). Во время Кольбера, поощрявшего торговлю и промышленность, имела место сенъериальная реакция в деревне, т. е. произошло увеличение феодальных поборов с крестьян. Эта сенъериальная реакция вызывала рост крестьянских восстаний, которые подавлялись растущей военной силой дворянского абсолютистского государства. Военные реформы Лувуа к 80-м годам XVII в. создали гигантский перевес сил на стороне власти, чем и объясняется исчезновение с этого времени свидетельств о крупных и длительных восстаниях (за исключением восстания камизаров).

В городах главной движущей силой бесчисленных восстаний и бунтов XVII в. были те элементы населения, которые Энгельс назвал городским плебейством, а именно: 1) обедневшие ремесленные мастера, 2) подмастерья и наемные рабочие, т. е. пролетариат, 3) деклассированное население — нищие, лоденщики, грузчики и т. д. Восстания здесь, как и в деревне, начинаются с борьбы против налогового гнета. В дальнейшем восстания развиваются, с одной стороны, в направлении борьбы со всей государственной, в том числе и муниципальной, администрацией, с другой стороны — в направлении борьбы с покупателями доходных фискальных должностей и откупщиками налогов, а в перспективе — и со всеми вообще богатыми. Тождество исходной задачи — борьбы с налогами — открывало возможность слияния крестьянского и плебейского восстаний, что и составляет характерную черту всех крупных народных движений XVII в. Крестьяне, если им удавалось ворваться в городские ворота, совместно с плебейством громили и жгли налоговые конторы и дома лиц, связанных с фиском, уничтожали этих лиц, так же как и защищавших порядок муниципальных и провинциальных чиновников. В известной мере восстания грозили жизни и имуществу почти всей зажиточной буржуазии, поскольку в XVII в.

богатый горожанин, как правило, вкладывал свои накопления в покупку той или иной должности, делавшей его причастным или к местной администрации, или же, чаще, — непосредственно к фиску и откупам.

Все зажиточные буржуа во Франции в XVII в. были организованы по городам в вооруженную милицию, так называемую «буржуазную гвардию», которой принадлежало крупное место в общем балансе реальных сил внутри государства. Решительная поддержка «буржуазной гвардией» крестьянско-плебейских восстаний превратила бы их в буржуазно-демократическую революцию. Но, как правило, поведение «буржуазной гвардии» во время восстаний сводится к следующей схеме: сначала — выжидательный нейтралитет или даже косвенное поощрение, невыполнение приказов муниципалитета рассеять бунтовщиков оружием; затем, рано или поздно, — выступление против восставших, уличные бои с толпой, вооруженной, разумеется, неизмеримо хуже, и, наконец, подавление восстания, обычно рука-об-руку с отрядами местных дворян и королевских войск. В этом поведении «буржуазной гвардии» отражается отношение французской буржуазии XVII в. к абсолютизму в целом. Налоговый гнет абсолютистского государства тяжело давил не только на трудящиеся классы, но и на буржуазию и побуждал ее сочувствовать народным антиналоговым восстаниям. Но объединиться с народом в русло революции французская буржуазия в XVII в. еще не решалась. Ее пугала угроза частному имуществу, обнаруживавшаяся в ходе восстаний. К тому же верхушка буржуазии была заинтересована в монополиях, откупах и привилегиях, предоставлявшихся ей абсолютизмом, вложила значительные капиталы в приобретение государственных должностей и сеньериальных прав. Со своей стороны, французский абсолютизм XVII в. поддерживал буржуазию, приобщая ее к привилегиям, широко открывал ей дорогу к государственным должностям и одворяниванию помимо фискальных мотивов еще и потому, что этим он парализовал тенденции к ее политическому объединению с революционным народом, т. е. до поры до времени предотвращал возможность буржуазной революции.

Таким образом, детальное изучение народных восстаний выясняет анатомию всего французского общества XVII в.: и внутреннее строение каждого класса, и соотношение классов между собой. На этом фоне, между прочим, в совершенно новом свете раскрывается природа общего политического кризиса феодально-абсолютистской системы, известного под названием Фронды (1648—1653). Изучение народных восстаний дает также материал для характеристики административно-судебной, финансовой и военной структуры Франции, ибо история восстания всегда освещает новым светом те или иные институты, как будто уже хорошо известные историкам. С другой стороны, изучение восстаний дает много для понимания социально-экономического строя Франции XVII в., в аграрной части почти совершенно еще не тронутого историками. Наконец, история стихийных народных восстаний, как оказалось, глубоко связана еще с одной важной областью: с развитием общественных учений и политических теорий XVII—XVIII вв. во Франции. Абсолютистская доктрина целиком сложилась на почве опыта борьбы с народными восстаниями, в связи с задачами их предотвращения и подавления. Антиабсолютистская доктрина в той или иной мере черпала свои идеи и чувства из того же опыта. Наиболее глубоко и полно он обобщен в «Завещании» Мелье — подлинном идейном завещании французских народных движений XVII в.

Хотя в XVIII в. народные движения во Франции по ряду причин значительно ослабели, их преемственная цепь все же тянется вплоть до великой буржуазной революции 1789 г. Можно сказать, что крестьянские и плебейские массы, главные движущие силы этой революции, принесли в нее опыт своей борьбы с абсолютизмом и феодализмом, выкованный и накопленный длинным рядом поколений. Идею знамени революции, французское «Просвещение» также несло на себе неизгладимую печать своей генетической связи с идеями Мелье и антиабсолютистской литературой времен Людовика XIV и тем самым — с наследием народных восстаний XVII в.

Вся монография состоит из двух частей, соответственно двум главным циклам народных восстаний, разделенным годами Фронды. Первая часть охватывает 20—40-е годы, вторая 50—70-е годы XVII в. В пределах каждой части сочетается обобщающий метод с локальным: наряду со сведением в общую хронологическую картину всех восстаний и их характеристикой, одно местное восстание в каждом цикле выделено с целью максимально подробного и развернутого изучения: для первого цикла это — восстание «босоногих» в Нормандии в 1639 г., для второго — бретонское восстание 1675 г. Таким образом, локально-исторический центр тяжести всего исследования в целом находится в северной Франции.

Первой части предпослано общее введение ко всей работе, посвящее название: «Чем было третье сословие во Франции XVII века». Первая часть монографии носит название: «Восстание «босоногих» в Нормандии в 1639 г. в связи с прочими народными движениями 20—40-х годов XVII века». Здесь дана обобщающая характеристика всех известных в настоящее время крестьянских и плебейских восстаний того времени — от крупных жакерий, охватывавших подчас, как, например, в 1636—1637 и 1643—1644 гг., свыше четверти территории Франции, до разрозненных городских

бунтов. Детально рассмотрены восстание «босоногих» и история подавления этого восстания, из которого Ришелье хотел сделать «примерный урок» для всей Франции. Экономика Нормандии и воздействие на нее налогового гнета освещены на основании докладных записок интендантов и наказов провинциальных штатов. Вторая часть монографии носит название «Восстание в Бретани в 1675 г. в связи с прочими народными движениями 50—70-х годов XVII века». Каждое из восстаний 50—70-х годов изучено на основании всей совокупности имеющихся прямых источников и косвенных данных, в ряде случаев довольно обильных. Опубликованная многотомная переписка Кольбера дает возможность погодно проследить его борьбу с народными восстаниями и заботы об укреплении феодально-абсолютистского порядка. Детально рассмотрено городское и крестьянское движение в Бретани в 1675 г.

Много внимания уделено характеристике состояния торговли и промышленности в Бретани в XVII в.—на основании, главным образом, докладных записок (*mémoires*) интендантов. В Бретани различимы два разных торгово-промышленных уклада: архаический, связанный с деятельностью торгового капитала на феодальной почве, и новый, промышленно-капиталистический, страдавший от налогового гнета значительно сильнее, чем первый. Здесь же дан анализ ценнейших программных документов, сохранившихся от этого восстания («Уложение», «Прощение простонародья» и др.). Они дают возможность вскрыть основные черты феодального гнета в бретонской деревне, в том числе и факт сенъериальной реакции 50—70-х гг. XVII в.

Заключение, или эпилог, ко всему исследованию носит название: «Историческое наследие народных восстаний XVII века». Здесь, во-первых, дан краткий обзор народных движений во Франции с конца XVII в. до революции 1789 г., во-вторых, намечены основные линии влияния народных движений XVII в. на общественные и политические теории XVII—XVIII вв., причем главное внимание уделено мировоззрению теоретика народной революции — Жана Мелье. Эта заключительная часть представляет в сущности контуры новой темы и могла бы разрастись в целую самостоятельную работу.

Б. А. РЫБАКОВ

РЕМЕСЛО ДРЕВНЕЙ РУСИ

Три важнейших раздела средневекового хозяйства — земледелие, ремесло и торговля — очень неравномерно изучены русской историографией. Больше всего внимания уделено древнерусской торговле. Одностороннее изучение торговли нередко приводило к слишком высокой оценке ее исторической роли и к искаженному изображению всей средневековой экономики. История русского ремесла оставалась в тени; специальных исследований написано было мало, а написанное очень незначительно влияло на общесторические работы.

Накопленный в настоящее время материал позволяет заново пересмотреть вопросы, связанные с ремеслом, и уяснить его роль в русском историческом процессе. Это возможно при условии привлечения всех доступных источников, как письменных, так и вещественных, а также данных этнографии и истории техники.

Выделение специалистов-ремесленников ранее всего происходит в Среднем Приднепровье, что обусловлено важной исторической ролью этого района для восточнославянских племен, подготовленной всем предшествующим развитием как в скифский, так и в римско-сарматский период. В скифское время земледельческое население Среднего Приднепровья существенно отличается по уровню своего производства от более северных племен. Широко применяется добыча железа иковка его, литье меди, тиснение золота; создаются устойчивые типы керамики (лепной). Открытие железа уравнивает производственные возможности южных (скифских) и северных лесных племен, но различие между ними долго поддерживается большой близостью Юга (Среднее Приднепровье, Полесье) к мировым культурным центрам.

Решение вопроса о происхождении русского ремесла связано с пересмотром «готской проблемы», являющейся одной из основ немецкой националистической концепции. Относимые обычно к готам предметы с выемчатой эмалью правильнее связывать с приднепровскими славянскими племенами III—IV вв. н. э., находившимися под воздействием римской культуры. Культура полей погребальных урн, распространенная на обоих берегах Среднего Днепра, знает ряд сложных производств, возникших под воздействием римской культуры. Помимо обработки железа и меди появляется искусство выемчатой эмали (особый днепровский вариант общеварварских эмалей), появляется гончарный круг и производство черной лощеной посуды. Совершенствуется обработка кости (пропиленные гребни и другие изделия). Все эти производства связаны с выделением специалистов-ремесленников, которое произошло в IV—V вв. н. э. Северные племена находятся на более примитивном уровне позднедьяковской культуры, но и там выделяются кузнецы, готовящие для обмена железо. Литьем меди на севере занимаются женщины. Гончарного круга нет. Исключением из числа северных племен является среднее течение Оки, где по П. П. Ефименко в это время выделилось, кроме кузнечного, и ювелирное ремесло.

Антский период VI—VII вв. начинается с завоевательных походов на Византию, во время которых исчезает римская провинциальная культура приднепровских областей. Исчезает (как и повсеместно в Европе в V в.) производство выемчатых эмалей, исчезает гончарный круг. Ремесленный характер сохранило лишь ювелирное производство (о кузнечном нет данных, но его можно предполагать). По боспорским образцам на Днепре создается производство медных лучевых (пальчатых) фибул. Часть этих фибул попадает в Крым и на Оку. В конце VII в. златокузнецы приднепровских князьков изготавливают вещи тех же типов, что и массовые, но более роскошные по материалу и отделке. В производстве золотой посуды чувствуется подражание привозным сассанидским образцам.

В хазарский период — VIII и отчасти IX в. возрастающая роль земледелия на севере несколько уравнивает хозяйственный облик Юга и Севера. Важнейшим фактом в истории ремесла этого периода является возникновение ремесленных поселков со многими производствами (кузнечное, литейное, гончарное, косторезное, ювелирное). Такие поселки превращаются в города. Гончарного круга в VIII в. еще нет, но на юге в области романской культуры происходит постепенное внедрение круглой подставки, приводящее в IX в. к введению гончарного круга. Юго-восточные племена, втянутые в орбиту ирано-арабского культурного мира, воспроизводят привозные образцы оружия и украшений. На северо-востоке выделяются женщины-ремесленницы (литейщицы), но этот процесс в дальнейшем прекращается, и литейное дело перехо-

дит к кузнецам. В IX в. и на юге и на севере уже выделились в ремесло кузнечное дело, литейно-ювелирное, гончарное и косторезное.

Дальнейшее развитие ремесла идет двумя путями с одной стороны, растет деревенское ремесло, с другой — быстро обгоняющее его ремесло городское.

Одним из важнейших переломных моментов в истории Киевской Руси является IX век, когда в дополнение к существовавшим ранее техническим приемам появились новые приемы обработки железа и стали, появился гончарный круг, пуансонная чеканка, выемчатая чернь, зернь и выемчатая эмаль (кетлахского типа). Некоторые из этих явлений были результатом тесных взаимоотношений с ирано-арабской культурой, другие же были развитием местных приднепровских навыков. Следующим периодом расцвета была вторая половина и особенно конец X столетия, когда налаживается производство шлемов, кольчуг, плоскорельефная чеканка, волочение проволоки и филигрань, клейма мастеров на гончарных изделиях. К концу столетия возникают три сопряженных между собой производства: эмаль, стекло и эмалевая полива на строительной декоративной керамике. Перенесение этих производств на киевскую почву, вероятно, связано с усилением русско-византийских отношений при Ольге и Владимире.

Для IX—X вв. характерно ведущее значение Киева и других городов Среднего Приднепровья. Из более северных городов можно назвать лишь Смоленск. Новгород в это время еще не приобрел ведущего значения для северных областей.

То новое, что появилось во второй половине X в. в ремесленной технике, тесно связано с обслуживанием княжеского двора, — от постройки дворца до вооружения княжеских дружинников. Совершенствовалось преимущественно придворное, вотчинное ремесло. Впрочем, наряду с ним существовало и свободное посадское ремесло. Примерно в середине XI столетия у различных ремесленников появляется тенденция к ускорению процесса производства, к некоторой его механизации (кропотливая чеканка заменяется штампованием на матрицах); литейщики, озабоченные выпуском массовой продукции, переходят к литью в прочных и долговечных каменных литейных формах. Наряду с этим стремлением к массовости продукции, охватившим и вотчинных ремесленников, некоторые группы мастеров переходят к уточненной обработке каждой отдельной вещи. Особенно выделяются здесь новгородские ювелиры-чеканщики. Примерно в это же время налаживается широкое производство замков и мечей особого русского типа в Киеве.

Расцвет городского ремесла наступает около середины XII в. и продолжается вплоть до самого татарского нашествия. Может быть, здесь сказались большая полнота источников, но культура русских княжеств XII—XIII вв. предстает перед нами высокоразвитой, полнокровной, блестящей изобретательской мыслью, быстро совершенствующей свою технику. Даже в небольших городах имеются сложные домины для варки железа, несколько систем гончарных горнов. Культура растет и ширишь, охватывая все большее и большее число городов. В этом отношении показательны появление и выделки кирпича и развитие каменного строительства во многих городах. Киев и Среднее Приднепровье, оставаясь высококультурными областями, перестают быть единственным средоточием культуры. Наряду с этими старыми центрами на основе взаимосвязей с ними возникает столь же сложное и разветвленное ремесло во Владимире, Рязани, Новгороде, Галиче, Полоцке и других городах.

Наметившиеся в прошлый период два направления в ремесле — массовое и индивидуальное — еще резче выступают теперь. Стремление к массовости сказалось в совершенствовании техники двустороннего воскового литья, в появлении басменного тиснения. Особенно интересно появление имитационных литейных форм, при помощи которых мастера сравнительно просто в широких масштабах воспроизводили в дешевом материале (бронза) сложнейшие изделия придворных ремесленников.

Техника изготовления многих предметов свидетельствует о переходе ремесленников от работы на заказ к работе на рынок. Об этом же говорит и стандартность некоторых видов изделий (например железные замки). Мастера, работавшие на заказ, как бы соревнуясь с подражавшими им посадскими ремесленниками, усложняют изделия, совершенствуют свою технику, добиваясь виртуозного исполнения отдельных вещей. Творческая мысль русских мастеров второй половины XII — начала XIII в. опережала развитие техники передовых стран Западной Европы.

Блестящая культура Киевской Руси, воспетая русскими средневековыми поэтами и северными сказителями саг, в значительной степени обязана своим расцветом развитию русской промышленности, русского ремесла. Тысячи деревенских кузниц по Днепру и по Волхову, по Волге и Оке ковали лемехи плугов для вспашки полей, сотни оружейников закалывали сталь для победы над многочисленными врагами, а в ювелирных мастерских «златокузнецы» юздавали тончайшее узорчье из бронзы, серебра и золота, украшенное филигранью, чернью и невывцветающими красками эмали.

Попытки немецких «историков» принизить и умалить значение русской культуры бесплодны. Свидетельства современников достаточно красноречиво говорят о высоком мастерстве русских ремесленников X—XII вв. Русский книжник XII в. по поводу одной ювелирной работы так отзывался о мастере: «и тако украсе добре, яко не могу сказати оного ухищрения по достоянию довольно, яко многим, приходящим от Грек и

ных земель глаголати: «нигде же сицея красоты бысть!». Византийский писатель Иоанн Тцетцес в XII в. писал стихи, в которых прославлял русскую резьбу по кости и сравнивал русского мастера с легендарным Дедалом. Но из всех современных свидетельств о русском ремесле, пожалуй, самым интересным является предисловие к известному трактату Теофила, посвященному технике различных художественных ремесел. Там в определенном порядке перечислены страны, прославившие себя тем или иным видом ремесла. В этом почетном списке передовых стран Европы и Востока Киевская Русь поставлена на второе место (уступая первенство лишь Византии), впереди Аравии, Италии, Франции и Германии.

Расцвет русского ремесла в IX—X вв. был подготовлен всем предшествующим развитием Среднего Приднепровья. Историческая роль Киева была создана не отрядами варяжских авантюристов, а всем ходом развития хозяйственных и общественных сил Приднепровья, скрытым от нас отчасти литературным талантом автора «Повести временных лет», а отчасти норманистическим туманом, позволявшим разглядеть лишь преувеличенные тени готов и варягов.

Анализ местных изделий VI—VIII вв. показал, что земля полны была достаточно богатой и обладала самостоятельной культурой, которая в VIII в. была оплодотворена воздействием сильнейшей средневековой культуры арабско-иранского Востока. Быстрое усвоение и переработка восточных форм и восприятие восточной техники сделали Киев проводником арабско-иранского влияния в Центральной Европе. К IX—X вв. в Киевской Руси существовало ремесло вотчинное, деревенское и городское. Доказательством существования свободного городского ремесла в IX—X вв. является равноправное погребение ремесленников на общегородских кладбищах. В это время можно уже считать выделившимися целый ряд ремесленных специальностей, как, например: кузнецы оружейники, бронники, ювелиры, гончары, литейщики, резчики кости, а к концу X столетия — эмальеры и стеклоделы.

В X в. расширяется сеть русских городов, а такие крупные центры, как Киев, привлекают к себе значительные массы нового населения. В это время к транзитной торговле Киева присоединяется экспорт русских ремесленных изделий (скань, серебро с чернью, эмаль и др.) в Чехию, Польшу и к балтийским славянам. В результате этого экспорта устанавливается влияние Киева, «соперника Константинополя», на целый ряд западнославянских областей.

В XI в. русское городское ремесло вступило с богатым запасом технических навыков. Деревня и город были еще совершенно разобщены. В деревнях существовали кузнецы, литейщики-ювелиры и гончары; обслуживаемая этими ремесленниками деревня жила небольшим замкнутым мирком. Район сбыта продукции был крайне мал — 10—15 километров в радиусе. Несмотря на это, ремесло было уже достаточно развито — гончары клеймили свои изделия клеймами и передавали мастерство по наследству, кузнецы, старейшие из всех ремесленников, выделившиеся еще на высшей ступени варварства, были окружены космогоническими легендами и мифами, открывающими интереснейшую страницу славянского язычества (миф о Святогоре-Гефесте и о Свароге-Прометее).

В XI в. первоначальная полная замкнутость начинает нарушаться. В киевском княжестве возникает, в ряде селений под Овручем, промысел по изготовлению пряслиц из розового шифера; в это же время в самом Киеве начинают работать мастерские по выделке стеклянных браслетов и мастерские выемчатых эмалей, налаживается серийное производство замков. Вся продукция этих производств расходилась по самым дальним и глухим углам Русской земли. Продукция городских мастеров оказалась на рынке и притом настолько широком, что предполагается наличие специалитов-торговцев, «гостебеников» и может быть даже скупщиков, известных в это время и в Западной Европе. Часть ремесленной продукции (шиферные пряслица) в XI—XII вв. вывозились за границу (Польша, Волжская Болгария, Херсонес). Продукция киевских эмальеров и керамистов часто встречается в Швеции.

Под влиянием появившихся связей с рынком русские ремесленники XI—XII вв. совершенствуют свою технику, стараясь обеспечить массовый выпуск продукции (например применение каменных литейных форм, замена чеканки штамповкой и т. д.). Количество специальностей городских ремесленников неуклонно возрастает. В XII в. развитие ремесла продолжается. В художественном отношении мир образов, созданных русскими мастерами, представляет интереснейшую и своеобразную страницу в истории общеевропейского ремесленного искусства. В камне, в эмали, на серебре и кости русские мастера воплотили причудливую смесь христианских и архаичных иранских образов, сочетав все это с местными русскими мотивами и сюжетами.

В XII в. создается целый ряд новых ремесленных центров со своими особенностями в технике и стиле. Но никакого упадка ремесла со второй половины XII в., как это иногда утверждается, мы не наблюдаем ни в Киеве, ни в других местах. Наоборот, культура ширится, охватывая новые области и изобретая технические приемы. Жизнеспособность и полнокровность русской культуры и в частности ремесла сказались в том, что во второй половине XII и в XIII в., несмотря на небла-

гоприятные условия феодальной раздробленности, русское ремесло достигло наиболее полного технического и художественного расцвета, а сами ремесленники, после ряда восстаний завоевали себе место в системе феодального города, участвуя в ополчении, ставя своих представителей рядом с высшими органами власти.

В технике эмали, золотой росписи по меди, в технике черни и скани и в изготовлении тончайших литейных форм русские мастера опередили своих западноевропейских собратьев.

Перед русским ремеслом открывалась такая же широкая дорога дальнейшего развития, как перед ремеслом северноитальянских городов этой же эпохи. Монгольское нашествие самым тяжелым образом нарушило русскую экономику в целом и в том числе городское ремесло. Каменное строительство прекратилось в одних областях на 100, а в других (Новгород) на 60 лет, исчезло и производство поливной строительной керамики, возродившееся лишь 250 лет спустя, в конце XV в. Совершенно было забыто искусство перегородчатой эмали. Широкое применение эмали (упрощенного типа) наблюдается лишь 300 лет спустя после монголов, в XVI в. То же самое нужно сказать и о черни. Филигрань появляется вновь только через 150 лет, на этот же срок задержалось и применение тиснения металла. Производство стеклянных браслетов, шиферных пряслиц, сложной глиняной посуды — все это было совершенно забыто после татар. К этому прибавилось уничтожение той части ремесла, которая работала на широкий деревенский рынок (возродилась лишь в XV в.).

Татарское нашествие действительно явилось печальным рубежом в истории русской культуры, задержавшим ее развитие на 150—200 лет, именно на тот период, когда передовые страны Западной Европы начали быстро и бурно развиваться.

Как и следовало ожидать, менее чем другие области пострадал от татарского ига Новгород, в котором сохранились некоторые технические приемы домонгольской Руси (например производство кирпича, поливная керамика, скань, наводка золота). Но в XIII столетии и в Новгороде развитие культуры было задержано.

После монгольской эпохи русское ремесло распадается на два периода: первый из них (до середины XIV в.) характеризуется медленным восстановлением разрушенного татарами. Второй период (вторая половина XIV в.) ознаменован целым рядом крупных технических достижений, а также появлением сложной социальной организации городского ремесла. Появляются водяные мельницы; с этого времени поднятой двигатель начинает завоевывать важное место в промышленности; применяется сложное глубокое бурение солеваренных скважин; появляется артиллерия, увеличившаяся (как и два предшествующих явления) спрос на железо; вместо дорогого пергамента появляется бумага, облегчившая размножение книг; возникают мастерские по изготовлению книг; применяется массивное литье, требовавшее сложного оборудования (колокола, а впоследствии и пушки); возникают меднолитейные мастерские для художественного литья, в связи с чем прекращается механическое воспроизведение домонгольских образцов; начинается чеканка монет; возрождается искусство скани; усваивается производство выемчатой эмали; каменное зодчество достигает своего расцвета.

Несмотря на явную неполноту приведенного перечня, мы все же видим, что материальная культура русских княжеств значительно обогатилась во второй половине XIV в.

В дальнейшем, в течение XV столетия, техника продолжает развиваться, но развитие это идет более спокойными темпами до середины столетия, когда вновь появляется ряд новшеств. Подъем производительных сил в эпоху Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича нужно рассматривать в связи со всеми явлениями русской жизни того времени, представляющими особый интерес именно в своей совокупности.

Городские ремесленники XIII—XV вв. селились компактными производственными гнездами, иногда совпадавшими с уличными и сотенным делением города. Кроме улицы и сотни, формой объединения городских ремесленников был торговый ряд, обладавший также собственной юрисдикцией. Городские ремесленники в XIII—XV вв. активно участвовали в классовой борьбе, выступая против центробежных тенденций местного боярства и ориентируясь на московского князя, чем содействовали процессу сложения русского национального государства. Характерное для средневекового города еретическое движение было хорошо знакомо русским городам XIV—XV вв. Косвенные данные позволяют предполагать в крупнейших русских городах XIV—XV вв. (вроде Новгорода и Пскова) наличие ремесленных корпораций, близких по своему характеру к западноевропейским цехам. Прямых указаний источников на существование в русских городах XIV—XV вв. ремесленных корпораций с оформленными уставами в нашем распоряжении нет. Источники последующей эпохи (XVI—XVII вв.) содержат ряд разрозненных данных об элементах цехового строя в русских городах. Нередко эти элементы находятся уже в стадии разложения, что может свидетельствовать об известной длительности их предшествующего развития. Общая обстановка развития городского ремесла (степень дифференциации, техническая оснащенность, участие ремесленников в городском самоуправлении, ожесточенная классовая борьба) позволяет сопоставлять наиболее крупные русские города XIV—XV вв. с городами

Западной Европы, для которых на этом этапе характерно развитие ремесленных корпораций.

Розыски косвенных данных о русских средневековых корпорациях позволили установить: существование христианских покровителей кузнечного дела (Кузьма и Демьян); наличие кузьмодемьянских церквей в городах XII—XVII вв.; расположение церквей во имя покровителей кузнечного ремесла в кузнецких слободах XIV—XVII вв.; существование в Новгороде в XIV в. лиров-братчин, посвященных Кузьме и Демьяну. Предположительно устанавливается участие в XIV в. представителя Кузьмодемьянского братства кузнецов (?) в управлении городом (владыка Василий Калыка, 1331—1353 гг.).

Ответственный редактор академик В. П. Волгин

Л50624   Подписано в печать 8.V.1944   2³/₄ печ. л.   4 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз.   Цена 6 руб.   Заказ № 385

18-я типография треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР,
Москва, Шубинский пер., 10

Цена 6 р.

1970 Н.